

Цуриков В.И.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ БЕЗ ЖЕРТВ

Аннотация. Предметом исследования являются избыточность уголовного закона в современной России и проблема декриминализации преступлений без жертв. На примерах нескольких статей Уголовного кодекса РФ продемонстрирована заметная избыточность в криминализации некоторых видов поведения, а также условность, присущая понятию «преступление». Основным методом исследования является экономический подход. На примере незаконного рынка сексуальных услуг анализируется соотношение выгод и издержек, обусловленных существованием данного запрета, как для общества в целом, так и для некоторых групп населения. Показано, что декриминализация преступлений без жертв может быть затруднена в силу следующих факторов. Во-первых, законодатели, занимающие выборные должности, могут находиться в зависимости от пожилой, как наиболее активной, части электората, придерживающейся в основном традиционных взглядов. Во-вторых, в легализации тех или иных деяний не заинтересованы нарушители нормы, так как легализация обернется повышением уровня конкуренции, что приведет к снижению их доходов. В-третьих, в поддержании status quo заинтересованы как недобросовестные исполнители нормы, занимающиеся поборами, так и добросовестные служащие правоохранительных органов, для которых легализация сопряжена с сокращением масштабов их деятельности.

Ключевые слова: экономический подход, избыточность уголовного права, преступления без жертв, декриминализация, легализация, рынок сексуальных услуг, выгоды, издержки, сексуальная мораль, проституция.

Abstract. The subject of this research is the excessiveness of the criminal law in modern Russia, as well as the problem of decriminalization of victimless crime. Based on the examples of several articles of the Criminal

Code of the Russian Federation, the author demonstrates a noticeable excessiveness in criminalization of certain types of behavior, and conditionality characteristic to the notion of “crime”. The main method of this research is the economic approach. Using the example of the illegal market of sex services, the article analyzes the correlation between the gains and costs justified by the existence of such ban for society as a whole, or specific social groups. It is highlighted that decriminalization of victimless crimes can be hindered due to the following factors: legislators, who are elected officials, can be dependent upon the senior (the most active) part of the electorate, which mainly supports traditional values; violators of the norms are not interested in legalizations of any actions, since the legalization will result in the growing level of competition, which in turn, leads to decrease of their income.

Key words: *Decriminalization, Legalization, Market of sexual services, Gains, Costs, Sexual moral, Prostitution, Victimless crime, Excessiveness of criminal law, Economic approach.*

Введение

Согласно ныне действующему Уголовному кодексу РФ, именно им определяется преступность деяния. УК является результатом законотворческой деятельности некоторых групп индивидов, входящих в высшие эшелоны государственной власти. Каждый из этих индивидов руководствуется своей целевой функцией. Поэтому любой закон, выходящий из соответствующих государственных органов, является результатом сложных, в том числе закулисных, процессов, в которых сталкиваются, переплетаются и в конце концов выливаются в компромиссное решение интересы различных влиятельных групп. В разное время и в разных странах существуют свои группы со специальными интересами, причем для каждого государства характерно свое распределение этих групп по степени влияния и своя динамика развития величины и направления этого влияния. Такая неоднородность имеет своим следствием различные, несовпадающие множества деяний, признаваемых в разных государствах и/или в разные времена, преступными^[16].

Люди имеют различные вкусы, у каждого своя шкала ценностей и предпочтений. Общим для всех является стремление к удовлетворению потребностей. Но способы удовлетворения потребностей, да и сами потребности, могут сильно различаться. Поэтому, к примеру, разные люди могут выбирать различные формы проведения досуга.

Известный петербургский криминолог Яков Гишинский так описывает некоторую дискрими-

национную неадекватность, проявляемую государством по отношению к гражданам. «Я устал и выпиваю бокал вина или рюмку коньяка, или выкуриваю “Marlboro”, или выпиваю чашку кофе, или нюхаю кокаин, или выкуриваю сигарету с марихуаной... . Для меня все это лишь средства снять усталость, взбодриться. И почему первые четыре способа социально допустимы, а два последних “девиантны”, а то и преступны, наказуемы – есть результат социальной конструкции, договоренности законодателей “здесь и сейчас” (ибо бокал вина запрещен в мусульманских странах, марихуана разрешена в Голландии, курение табака было запрещено в Испании во времена Колумба под страхом смерти и т.д.)»^[4, с. 33].

Действительно, если обратиться к истории российского законодательства, то легко убедиться в том, что существует целый ряд деяний, которые на разных временных отрезках считались то преступными, то непроступными. Например, в декабре 1917 года была отменена ответственность за добровольную гомосексуальную связь, в 1934 году вновь введена, а в 1996 году снова отменена. До мая 1928 года не существовало никакого запрета на оборот наркотиков. В 1934 году устанавливается уголовная ответственность за посевы опийного мака и индийской конопли^[4].

В 1964 году 23-летний поэт Иосиф Бродский был осужден за тунеядство (ведение паразитического образа жизни – ст. 209 УК РСФСР 1960 г.) и приговорен к высылке сроком на пять лет с обязательным привлечением к физическому труду. К настоящему времени это деяние декриминализовано. В течение 25 лет с 1966 года по

1991 год в России только за занятие спекуляцией было привлечено к уголовной ответственности около 1 миллиона человек^[9]. В настоящее время это деяние считается разновидностью легальной экономической деятельности. Российский криминолог В. В. Лунеев отмечает, что «за время действия четырех УК России (1922, 1926, 1960 и 1996 годов) было криминализовано более 300 новых видов общественно опасного поведения и декриминализовано около 100»^[11].

Как видим, понятие преступления, действительно, в заметной степени является условным, «социальным конструктом», продуктом культуры, результатом договоренности законодателей. Конечно, из этого не следует, что законодатели совершенно произвольно квалифицируют те или иные виды поведения как преступные. По-видимому, всегда существуют какие-то основания для криминализации того или иного деяния. Вопрос состоит в следующем: всегда ли криминализация осуществляется на основе достаточных для этого оснований?

Даже если отвлечься от рассмотрения так называемых преступлений без жертв, то, тем не менее, бросается в глаза явно имеющая место избыточность при оценке вреда, проистекающего от некоторых видов поведения. Я. И. Гилинский настойчиво подчеркивает тот факт, что, согласно букве уголовного закона, каждый российский гражданин может быть признан (в суде) преступником и даже рецидивистом. «Кто, например, в России ни разу ... не ударил кого-либо, причинив физическую боль, – ст. 116 УК РФ, или не уклонился от уплаты налога – ст. 198 УК?»^[4, с. 35] или, добавим от себя, не давал взятку – ст. 291?

Преступления без жертв

Избыточность уголовного закона становится еще более очевидной при обращении к преступлениям без жертв. Под последними принято понимать те из деяний, квалифицируемых государством в качестве преступных, в результате которых либо весь вред потерпевший причиняет себе сам, причем исключительно на добровольной основе и вполне осознанно, либо же вред вообще не причиняется никому. Например, статьей 228 УК РФ за хранение наркотических

средств без цели сбыта предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок до 15 лет.

Круг деяний, которые в различных странах или в разное время относились к подобного рода преступлениям, весьма широк. Это, в первую очередь, употребление алкоголя, кофе и наркотических веществ, табакокурение, пользование нюхательным табаком, самогонование, занятие проституцией, организация азартных игр, изготовление и распространение порнографической продукции, осуществление врачом абортов и пр., не говоря уже о таких экзотических видах деятельности как колдовство или поклонение не тем богам.

Вот, например, что пишет о наказаниях за нюханье табака немецкий ученый Адам Оларий, посетивший Москву в 1630-е и 1640-е годы: «Другие обычные наказания, применяемые против преступников, состоят в том, что взрезываются ноздри, даются батоги и кнутом бьют по голой спине. Ноздри взрезывались у тех, которые пользовались нюхательным табаком; нам пришлось встретить несколько человек, подобным образом наказанных»^[13, с. 402].

Уголовным правом России в качестве объекта некоторых преступлений без жертв признается общественная нравственность, т. е. государство объявляет некоторые деяния уголовными преступлениями исключительно из моральных соображений. В этом случае правомерен вопрос: как может быть оправдано право государства на уголовное преследование, иначе говоря, на насильственные действия в отношении того индивида, который совершает подобное деяние, но при этом никому (подчеркиваю – никому, кроме себя) никакого вреда не причиняет? Конечно, общество должно принимать меры для защиты своих недееспособных граждан и, в первую очередь, детей от наркотиков, порнографии, вовлечения в занятие проституцией, но только – недееспособных. Если же государство желает вести борьбу с преступлениями без жертв из моральных соображений, то соответствующие наказания, по нашему мнению, не должны выходить за пределы экономического пространства^[16, 17].

Если несколько сузить рассматриваемое множество преступлений без жертв и ограничиться анализом только тех из них, которые со-

стоят в предоставлении запрещенных государством услуг либо в производстве и/или продаже запрещенных, опять же государством, товаров, то становится очевидным, что соответствующий рынок лежит вне правового поля. Операторы этого рынка не имеют поддерживаемых и защищаемых государством прав собственности и контрактного права. И хотя в основе рыночных отношений всегда лежат отношения собственности, отсутствие юридических прав не ликвидирует соответствующий рынок.

Отсутствие прав собственности и наличие запрета на соответствующие рыночные операции накладывает свой отпечаток на условия их проведения. Во-первых, увеличивается цена в силу того, что в нее включается плата за риск. Во-вторых, вследствие несовершенства рынка и отсутствия государственного контроля не повышается качество товара или услуги. В-третьих, теневой рынок тесно сопряжен с преступной деятельностью, ибо его операторы не склонны сотрудничать с правоохранительными органами. Обратимся к более подробному рассмотрению одного из видов преступлений без жертв.

Рынок сексуальных услуг

В действующем УК РФ не предусматривается уголовная ответственность за занятия проституцией, однако существует статья 241, которая за «содержание притонов для занятия проституцией или систематическое предоставление помещений для занятия проституцией» предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет. Таким образом, оказание данного рода услуг в настоящее время в России не возбраняется, а вот создание для этого соответствующих условий является уголовно наказуемым деянием. Налицо определенное противоречие, которое должно быть так или иначе преодолено в будущем. О проявлении тенденции к легализации запрещенных товаров и услуг, охватывающей многие развитые страны, см. работу Юрия Латова^[10].

Конечно, те или иные услуги, на которые существует платежеспособный спрос, и оказание которых не влечет за собой отрицательных внешних эффектов, можно объявить запретны-

ми, но соответствующий рынок невозможно уничтожить. Поэтому статьи УК РФ, подобные статье 241, являются не просто бесполезными^[15,16]. Они влекут за собой целый ряд негативных последствий. Эта статья к примеру

- 1) требует для выполнения предусмотренной ею нормы определенных затрат на проведение оперативных, следственных и судебных мероприятий, а также на исполнение наказания и, кроме того, она отвлекает силы органов правопорядка от решения более важных задач;
- 2) способствует в силу соответствующего ей запрета распространению коррупции в правоохранительных органах;
- 3) усложняет выявление и пресечение преступлений в соответствующей сфере, ибо жертва того или иного преступления, занимающаяся проституцией, не заинтересована в сотрудничестве с органами правопорядка;
- 4) поощряет сутенерство и искусственно сужает налогооблагаемую базу;
- 5) отрицательно влияет на возможность повышения качества оказываемых гражданам услуг.

Помимо этого следует отметить, что здесь просматривается и определенный негативный с моральной точки зрения аспект. Органы правопорядка подвергают женщин, работающих в этих, так называемых притонах, штрафам, вынуждая их работать более интенсивно, то есть государство по отношению к этим женщинам ведет себя как сутенер.

Главную причину, обусловившую укорененность существующих норм, следует, на наш взгляд, искать в религии. Христианство резко разграничило, даже противопоставило, половую (телесную) любовь и духовную. Всякая сексуальность считается греховной. Секс разрешен только в рамках брака и только как механизм деторождения. Всякие проявления чувственности, даже в мыслях, в том числе эротические сны, считаются происками дьявола и подлежат покаянию. Конечно, такое отношение к сексуальности довольно уникально и отнюдь не является общим для всех религий и культур. Например, в различные времена в храмах ряда стран, в частности Древнего Вавилона и Индии, некоторые

жрицы были обязаны оказывать прихожанам сексуальные услуги. Эта обязанность предписывалась и освящалась религией, и потому рассматривалась в качестве почетного служения богу.

Экономический подход к нормам уголовного права предусматривает тщательный учет всех выгод и издержек, которые проистекают из принятия новой или сохранения уже действующей нормы права. Очевидно, что в самом общем случае следует рассмотреть экономическое влияние соответствующей нормы права на государственный бюджет и три группы членов общества: нарушителей данной нормы, законодателя и исполнителей, а также всех тех членов общества, которых эта норма так или иначе затрагивает.

Поскольку речь идет о правовых ограничениях на коммерческие сексуальные услуги, оказываемые исключительно на добровольных началах, постольку возникает вопрос: а, собственно, почему государство вообще вмешивается в эту область? Ведь любой добровольный обмен способствует возрастанию разнообразия способов применения ресурсов, что оборачивается более эффективным их использованием. Кроме того, отсутствие ограничений на обмен повышает уровень конкуренции между продавцами благ, что опять же влечет за собой повышение уровня благосостояния.

С экономической точки зрения ответ может заключаться только в следующем. Либо данная деятельность оказывает отрицательное внешнее воздействие, либо в случае отсутствия такого рода воздействия законодатель ошибочно предполагает его наличие, либо же существуют достаточно влиятельные группы специальных интересов, которым эти ограничения выгодны.

Что касается последнего пункта то, очевидно, что ограничения на коммерческий секс выгодны сутенерам, относящимся к группе нарушителей нормы, а также исполнителям правовой нормы как условие получения ими статусной ренты в виде взяток, поборов и даже бесплатно оказываемых сексуальных услуг. Обратимся теперь к более детальному анализу первых двух пунктов предложенного ответа.

Несомненно, что значительную роль играет традиционная мораль, осуждающая и внебрачные сексуальные отношения, и коммерческий

секс. В пользу данного утверждения говорит то, что объектом преступлений, предусмотренных статьями 241 и 242 УК РФ, уголовным правом признаются основы общественной нравственности. Поэтому снижение уровня ограничений на коммерческий секс приведет в нашей стране с экономической точки зрения к снижению полезности той части общества, которая придерживается традиционных устоев. Так как можно думать, что эта часть общества в основном представлена пожилыми людьми, то с течением времени отношение к коммерческому и нетрадиционному сексу должно измениться кардинальным образом. На это указывает наблюдающийся в развитых странах Запада быстрый рост социальной терпимости к однополую сексу^[6].

Кроме того, законодатель может усматривать проявление отрицательного внешнего эффекта от легализации коммерческого секса в виде повышения уровня угрозы для стабильности брака и/или возрастания случаев заболевания теми болезнями, которые передаются половым путем. Наличие подобного эффекта, естественно, приведет к появлению дополнительных издержек, как для государства, так и для общества в целом. Вопрос заключается в том, действительно ли такой эффект имеет место?

В последующем анализе будем исходить из того, что основной целью создания семьи является производство следующих благ:

- 1) забота партнеров друг о друге и обмен сексуальными услугами;
- 2) воспитание детей;
- 3) повышение благосостояния вследствие внутрисемейного разделения труда («премия за брак»);
- 4) повышение социального статуса или получение материальной выгоды.

Подчеркнем, что это не функции семьи, которые, как правило, гораздо шире, а именно основная цель, которую преследуют вступающие в брак мужчина и женщина.

Так как женщина лучше приспособлена для ухода за маленьким ребенком, то ее издержки, обусловленные специализацией на домашней работе, ниже, чем соответствующие издержки мужчины. Поэтому эффективным, как правило, является такое разделение семейного труда, при

котором жена уделяет домашнему труду больше времени, чем муж. Следствием этого до недавнего времени являлись более низкие доходы жены, а значит и ее материальная зависимость от мужа.

Существовавший в недавнем прошлом во многих христианских странах запрет на аборт, вынуждал государства принимать законы, крайне затрудняющие развод для семейных пар, имеющих детей, иными словами, издержки развода для них были запретительно высоки. Эти меры были направлены на защиту законнорожденных детей и более слабого (в экономическом смысле) из супругов, т. е. жены. Снижение риска было призвано стимулировать женщину к осуществлению инвестиций в домохозяйство и рождение детей. Супружеская измена осуждалась, так как она влечет издержки и для детей, как законных, так и внебрачных, и для второго супруга. Причем измена жены осуждалась (и пока осуждается сейчас) гораздо строже, чем измена мужа.

Известный американский судья Ричард А. Познер объясняет этот феномен асимметрией, состоящей в том, что издержки измены жены для мужа гораздо выше издержек измены мужа для жены [14, с. 200-201]. Измена жены может обернуться рождением внебрачного ребенка, что, во-первых, уменьшает возможности жены иметь детей от законного мужа и тем самым влечет за собой снижение для него ценности брака, а, во-вторых, уменьшает то время, которое жена сможет уделять детям, рожденным от мужа.

Так было в течение многих столетий в странах христианского мира, но с наступлением второй половины XX-го века ситуация стала быстро меняться. В развитых странах Запада научно-технический прогресс способствовал созданию большого количества рабочих мест, не требующих от работника заметной физической силы. Это обстоятельство вместе с общим ростом благосостояния и снижением детской смертности привело, во-первых, к резкому снижению уровня рождаемости, во-вторых, к росту числа разводов, в-третьих, к значительному (в несколько раз) повышению уровня участия в рабочей силе замужних женщин, в том числе имеющих малолетних детей.

Гэри С. Беккер в целом ряде своих исследований, посвященных экономике и эволюции се-

ми, усматривает главную причину этих изменений в появлении для женщин «возможности самим зарабатывать деньги» [1, с. 422]. Расширение этой возможности и рост заработков, обусловленный экономическим ростом, стимулировали участие замужних женщин в рабочей силе, повышая тем самым относительные издержки ведения домашнего хозяйства, рождения и воспитания детей. По мере роста доходов, получаемых женщиной в рыночных видах деятельности, возрастает степень ее материальной независимости, снижаются выгоды от внутрисемейного разделения труда и, следовательно, выигрыш от брака уменьшается, а развод чаще становится привлекательным.

С другой стороны, в связи с возрастанием мобильности и появлением эффективных средств предотвращения нежелательной беременности, издержки мужа по выявлению фактов измены увеличиваются, а сама измена уже не влечет столь высоких издержек как прежде, ибо женщина сама способна не только материально обеспечить и себя и своего ребенка, но и регулировать репродукцию. Как видим, материальная независимость женщин привела их к сексуальному раскрепощению.

Р. Познер отмечает: «С уменьшением экономической зависимости женщин от мужчин они стали менее охотно расставаться со своей сексуальной свободой в обмен на экономическую поддержку» [14, с. 217]. Таким образом, научно-технический прогресс явился, по крайней мере, одной из причин сексуальных революций. В результате, в области сексуальной морали уменьшается доля лицемерия, круг морально оцениваемых сексуальных проявлений сужается, на первое место выходят добровольность отношений, индивидуальная свобода, сексуальная удовлетворенность [8].

Подобные процессы происходят и в России [2, 3, 5, 7, 12]. Снятие ряда запретов на сексуальные отношения, естественно, увеличило уязвимость брака, повысив его ненадежность, что фактически является оборотной стороной свободы. Поэтому возникающая в рамках семейных отношений сексуальная неудовлетворенность одного из супругов, например, по причине болезни другого супруга или в силу снижения его потребности

в сексе, или вследствие долгой разлуки, чревата расторжением брака.

Дело в том, что если издержки качественного коммерческого секса слишком велики, то неудовлетворенный супруг может прибегнуть к долговременной внебрачной любовной связи, которая и может привести к разводу и заключению нового брака. Легализация коммерческого секса повышает качество услуги и снижает издержки для потребителя в виде риска подвергнуться заболеванию или преследованию со стороны правоохранительных органов. Супруг в данном случае, лишенный возможности получить благо внутри семьи, покупает его на легальном рынке, т. е. поступает аналогично той фирме, которая, столкнувшись с высокими издержками внутрифирменной транзакции, заменяет ее рыночной.

Как замечает Р. Познер, «...проституция может быть как заменой, так и дополнением брачных отношений...» [14, с. 216]. Поэтому внебрачные связи в рамках коммерческого секса могут фактически работать на укрепление брака. Как видим, угроза брачным союзам со стороны легального коммерческого секса не является обоснованной.

Что касается суждения, будто легализация коммерческого секса будет способствовать распространению СПИДа и венерических болезней, то оно также не выдерживает критики. Именно криминализация снижает стимулы к «прохождению медицинских обследований, лечению и обучению методам предотвращения заболеваний» [14, с. 217]. Она же затрудняет проведение профилактических мероприятий и поиск источников распространения заражений в различных конкретных случаях. Р. Познер также обращает внимание на отрицательные для всего общества последствия запрещения однополых браков, так как подобные запреты способствуют возрастанию доли мужчин-гомосексуалистов, вступающих в брак с женщинами, что увеличивает риски распространения СПИДа среди гетеросексуальной части населения.

Следует отметить, что недостаточно серьезное отношение многих россиян к своему здоровью, обуславливает крайне низкую эластичность распространенности внебрачных половых связей относительно риска заболевания. Поэтому

надежда на то, что возрастающая угроза заболевания СПИДом будет препятствовать расширению внебрачных половых контактов, оказывается иллюзорной.

Особое внимание нужно обратить на издержки, которые в силу существования ограничений на коммерческий секс несут индивиды, не сумевшие по тем или иным причинам найти возможности для удовлетворения своих сексуальных потребностей в рамках семейных отношений. К ним могут относиться пожилые люди, причем, как одинокие, так и состоящие в браке, инвалиды, больные или имеющие какие-то психологические особенности, затрудняющие для них отыскание брачного либо сексуального партнера, а также молодые люди в силу возраста и социального положения. Существующие ограничения будут по-прежнему подталкивать их в объятия низкопробной проституции или к сексу в подворотне. Ибо если коммерческий секс не будет легализован, то многие современные «жрицы любви» так и останутся вульгарными проститутками, тысячами наводняющими улицы крупных городов. В лучшем случае с помощью запретов их удастся загнать в подполье.

Заключение

Можно думать, что для современной России характерна избыточная криминализация некоторых видов поведения. Эта избыточность может быть обусловлена как переоценкой размера вреда, проистекающего от соответствующих деяний, так и преследованием выгоды со стороны тех или иных групп населения. На избыточность уголовного закона указывает сравнение значений некоторых параметров криминальной статистики России со среднемировыми значениями. Например, доля тюремного населения (лиц, лишенных свободы по приговору суда) России составляет 7-8% от мирового уровня при том, что доля регистрируемых в год преступлений составляет всего 0,5% от мирового количества, а доля населения – 2% [18, 19].

Декриминализация преступлений без жертв может быть затруднена в силу следующих факторов. Во-первых, законодатели, занимающие выборные должности, могут находиться в зависи-

мости от пожилой, как наиболее активной, части электората, придерживающейся в основном традиционных взглядов. Во-вторых, в легализации тех или иных деяний не заинтересованы нарушители нормы, так как легализация обернется повышением уровня конкуренции, что приведет к

снижению их доходов. В-третьих, в поддержании status quo заинтересованы как недобросовестные исполнители нормы, занимающиеся поборами, так и добросовестные служащие правоохранительных органов, для которых легализация сопряжена с сокращением масштабов их деятельности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.
2. Бим-Бад Б.М., Гавров С.Н. Модернизация институтов семьи: Макросоциологический, экономический, антрополого-педагогический анализ. М.: Интеллектуальная книга – Новый хронограф, 2010. 352 с.
3. Вишневский А.Г. Эволюция российской семьи. Кризис семейных ценностей с исторической точки зрения. // Экология и жизнь. 2008. № 7. С. 4-11.
4. Гишинский Я.И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Курс лекций. СПб.: Питер, 2002. 384 с.
5. Голод С.И. Прокреация, плюральность эротического ландшафта: история и современное состояние. // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 82-90.
6. Гурко Т.А. Институт семьи в постиндустриальных обществах. // Ценности и смыслы. 2011. № 4. С. 26-44.
7. Карташова Т.Е. Особенности брачно-семейных установок современной молодежи. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. № 129. С. 54-68.
8. Кон И.С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М.: ОГИ, 1997. 464 с.
9. Криминология. Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М.: Юристъ, 2004. 734 с.
10. Латов Ю.В. Запретить нельзя разрешить: Экономический анализ институтов прогибиционизма и антипрогибиционизма. // TERRA ECONOMICUS. 2009. № 4. С. 9-30.
11. Лунеев В.В. Особенности современной преступности в России. <http://demoscope.ru/weekly/2004/0143/apalit03.php>, 2004. (дата обращения: 1.08.2016).
12. Муртазина Л.Р. Автономизация брачного, сексуального и репродуктивного поведения населения как фактор либерализации семейно-брачной морали. // Социологические науки. 2011. № 1. С. 107-109.
13. Олеарий А. Описание путешествия в Московию. / Россия 15-17 вв. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1986. 543 с.
14. Познер Р.А. Экономический анализ права: в 2-х т. СПб.: Экономическая школа, 2004. 974 с.
15. Цуриков В.И. К вопросу о декриминализации коммерческих сексуальных услуг. // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2005. № 6. С. 83-91.
16. Цуриков В.И. Институциональная среда и преступное поведение. Кострома: Изд. КГСХА, 2006. 248 с.
17. Цуриков А., Цуриков В. Экономический подход к анализу корыстных преступлений. // Вопросы экономики. 2007. № 1. С. 45-54.
18. Цуриков В.И. Особенности российской криминальной статистики. / Экономика и право. Под редакцией А.П. Заостровцева. – Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр». СПб: Наука, 2009. С. 206-223. <http://leontief-readings.ru/rus/program2009.html>. (Дата обращения 1.08.2016).
19. Цуриков В. Взятничество – преступление без наказания при номинально суровой уголовной ответственности. // Экономическая политика. 2012. № 3. С. 173-184.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bekker G.S. Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskii podkhod. Izbrannye trudy po ekonomicheskoi teorii. M.: GU VShE, 2003. 672 s.
2. Bim-Bad B.M., Gavrov S.N. Modernizatsiya institutov sem'i: Makrosotsiologicheskii, ekonomicheskii, antropologo-pedagogicheskii analiz. M.: Intellektual'naya kniga – Novyi khronograf, 2010. 352 s.
3. Vishnevskii A.G. Evolyutsiya rossiiskoi sem'i. Krizis semeinykh tsennostei s istoricheskoi tochki zreniya. // Ekologiya i zhizn'. 2008. № 7. S. 4-11.

4. Gilinskii Ya.I. Kriminologiya. Teoriya, istoriya, empiricheskaya baza, sotsial'nyi kontrol'. Kurs lektzii. SPb.: Piter, 2002. 384 s.
5. Golod S.I. Prokreatsiya, plyural'nost' eroticheskogo landshafta: istoriya i sovremennoe sostoyanie. // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2008. № 12. S. 82-90.
6. Gurko T.A. Institut sem'i v postindustrial'nykh obshchestvakh. // Tsennosti i smysly. 2011. № 4. S. 26-44.
7. Kartashova T.E. Osobennosti brachno-semeinykh ustanovok sovremennoi molodezhi. // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. 2011. № 129. S. 54-68.
8. Kon I.S. Seksual'naya kul'tura v Rossii. Klubnichka na berezke. M.: OGI, 1997. 464 s.
9. Kriminologiya. Uchebnyk / Pod red. V.N. Kudryavtseva i V.E. Eminova. M.: Yurist", 2004. 734 s.
10. Latov Yu.V. Zapretit' nel'zyarazreshit': Ekonomicheskii analiz institutov progibitsionizma i anti progibitsionizma. // TERRA ECONOMICUS. 2009. № 4. S. 9-30.
11. Luneev V.V. Osobennosti sovremennoi prestupnosti v Rossii. <http://demoscope.ru/weekly/2004/0143/analit03.php>, 2004. (data obrashcheniya: 1.08.2016).
12. Murtazina L.R. Avtonomizatsiya brachnogo, seksual'nogo i reproduktivnogo povedeniya naseleniya kak faktor liberalizatsii semeino-brachnoi morali. // Sotsiologicheskie nauki. 2011. № 1. S. 107-109.
13. Olearii A. Opisanie puteshestviya v Moskoviyu. / Rossiya 15-17 vv. glazami inostrantsev. L.: Lenizdat, 1986. 543 s.
14. Pozner R.A. Ekonomicheskii analiz prava: v 2-kh t. SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 2004. 974 s.
15. Tsurikov V.I. K voprosu o dekriminalizatsii kommercheskikh seksual'nykh uslug. // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. 2005. № 6. S. 83-91.
16. Tsurikov V.I. Institutsional'naya sreda i prestupnoe povedenie. Kostroma: Izd. KGSKhA, 2006. 248 s.
17. Tsurikov A., Tsurikov V. Ekonomicheskii podkhod k analizu korystnykh prestuplenii. // Voprosy ekonomiki. 2007. № 1. S. 45-54.
18. Tsurikov V.I. Osobennosti rossiiskoi kriminal'noi statistiki. / Ekonomika i pravo. Pod redaktsiei A.P. Zaostrov'tseva. – Mezhdunarodnyi tsentr sotsial'no-ekonomicheskikh issledovaniy «Leont'evskii tsentr». SPb: Nauka, 2009. S. 206-223. <http://leontief-readings.ru/rus/program2009.html>. (Data obrashcheniya 1.08.2016).
19. Tsurikov V. Vzyatochnichestvo – prestuplenie bez nakazaniya prinominal'no surovoi ugolovnoi otvetstvennosti. // Ekonomicheskaya politika. 2012. № 3. S. 173-184.